

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Колдушко, О.Л. Лейбович

**ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ
БОЛЬШОГО ТЕРРОРА НА УРАЛЕ
(1937–1938)**

Препринт WP19/2012/02

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2012

УДК 323.27
ББК 66.3(2Рос)3
К60

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

Колдушко, А. А., Лейбович, О. Л. Дискурсивные практики большого террора на Урале (1937–1938) : препринт WP19/2012/02 [Текст] / А.А. Колдушко, О.Л. Лейбович ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 44 с. – 150 экз.

В работе представлены разделы монографического исследования антропологии большого террора на Урале в 1936–1938 гг. Авторы исследуют комплексы источников, сложившиеся на предприятиях машиностроения Уральского региона в период массовых репрессий.

УДК 323.27
ББК 66.3(2Рос)3

Koldushko, A., Leibovich, O. Discourse Practices of the Great Terror in the Urals (1937–1938) : Working paper WP19/2012/02 [Text] / A. Koldushko, O. Leibovich ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 44 p. – 150 copies (in Russian).

The paper is part of a monograph on the anthropology of the Great Terror in the Urals, 1936–1938. The authors analyze large collections of archival documents from the heavy engineering industry in the Urals in the period of mass repressions.

Работа предварительно обсуждена на научном семинаре в Пермском филиале НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Колдушко А. А., 2012
© Лейбович О. Л., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Советской модернизации на ее раннем индустриальном этапе сопутствовали властные террористические практики. Создание крупной социалистической промышленности сопровождалось массовыми операциями: в первой пятилетке – «ликвидацией кулачества как класса»; во второй – большим террором 1937–1938 гг. «Большим» его справедливо называют потому, что он является «самым массовым убийством, когда-либо совершенным государством в Европе в мирное время» [Ducolombier, 2009].

Синхронность процессов, на первый взгляд, разнонаправленных и даже рассогласованных по содержанию, нашла свое отражение в незавершенной по сегодняшний день дискуссии: что это было? Случайная похеха на историческом пути, вызванная приводящими обстоятельствами? Необходимый инструмент социальной мобилизации? Во многом спонтанная реакция на кризисные явления модернизации? Что-то иное? «Каким же в действительности был тот период? Что он дал для социалистического созидания?», – спрашивалось в одной старой книжке. Как совместить «приобщение к цивилизации» и «деспотический политический режим»? [Гордон, Клопов, 1989, с. 116].

Из множества вопросов, сформулированных историографической традицией, в данной работе мы намерены обсудить две проблемы: как взаимодействовали практики большого террора 1937–1938 гг. и накопленный опыт массового машинного производства и на какие вызовы индустриализации попыталась ответить власть, организовавшая массовую чистку советского общества.

Что значит «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

В заголовок данного раздела вынесено высказывание Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Взято оно из той части доклада, в которой говорится о необходимости «разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое

выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства» [Материалы..., 1995, № 3]. Это сталинское заявление очень часто расценивается как образец софистики худшего рода. Так, по мнению В.З. Роговина, «обвинение большинства хозяйственных руководителей во вредительстве должно было быть воспринято как абсурдное и населением, и аппаратчиками». На самом же деле обвинения во вредительстве «явились своего рода ответом Сталина на критику, которой его подвергали в 30-е годы старые и новые оппозиционные группы» [Роговин, 1996].

Скорее всего, это был не выпад против оппозиции, а горькая ирония. И Сталин, и его слушатели имели общее представление о том, что скрывалось за словами «систематическое выполнение хозяйственных планов». Сталин об этом сказал прямо: и сами планы являются заниженными, и суммарное их выполнение часто скрывает провалы по отдельным важным отраслям.

Ситуация в промышленности была много хуже, чем в порядке самокритики на том же пленуме признавали народные комиссары.

По документам, сохранившимся в партийных архивах, сегодня можно представить, как в действительности обстояли дела на двух крупнейших предприятиях Западного Урала: Березниковском химкомбинате, построенном в первую пятилетку с помощью иностранных, в большинстве своем германских специалистов, и на старом Мотовилихинском оружейном заводе, тогда же подвергшемся технической реконструкции. Оба предприятия считались передовыми, на них трудились сотни ударников, позднее стахановцев. Командиры производства были отмечены орденами и ценными подарками наркома – легковыми автомобилями.

Рапорты о победах и достижениях скрывали, однако, совсем иные практики. В частности, докладная записка, подготовленная сотрудниками ОГПУ в августе 1933 г. о положении дел на Березниковском химкомбинате, начинается таблицей о поквартальном выполнении планов на предприятии. План на 1-й квартал выполнен на 59,2%, на 2-е полугодие – на 85,4%. Далее составитель доклада перечисляет причины, приведшие к срыву плановых заданий:

«Частые аварии и неполадки механизмов, неудовлетворительное адмтехруководство.

Варварское использование механизмов.

Простой ТЭЦ из-за отсутствия топлива».

Каждая из причин иллюстрируется множеством примеров, как правило, очень выразительных:

«Некоторые инженерно-технические работники выражают мнение, что за короткий срок работы завода (серно-кислотного. – А. К., О. Л.) столько сожжено моторов, что едва ли можно столько сжечь за 20 лет правильной эксплуатации.

Несмотря на наличие ряда фактов выхода из строя аппаратуры в заводах комбината по причине плохой смазки и недоброкачественного масла, последнее в ряде заводов <...> хранится самым небрежным образом, никогда не закрывается. При подобном хранении в масле нередко обнаруживаются тряпки, песок и пр.».

Страдает и качество продукции.

По мнению составителя докладной записки, источником бед являются недобросовестность, низкая квалификация и отсутствие мотивов к труду у работников всех уровней – от инженеров до разнорабочих:

«Недокомплект квалифицированных рабочих на основном предприятии особенно резко сказывается в настоящее время в связи с отпусками и создавшейся текучестью рабсилы, по причинам: недовольства расценками, условиями труда и недочетами питания.

В санитарном отношении в бараках и деревянных домах неблагополучно, почти у большинства домов помойные ямы и уборные находятся вблизи домов, полуоткрытого типа, прочищаются недостаточно, и в особенности в жаркое время распространяется зловоние в квартирах нижних этажей.

Не единичны случаи, когда филиалы возвращают фабрикам-кухням обеды обратно, так как рабочие от обедов отказываются. В котле зачастую обнаруживаются посторонние предметы, как-то гвозди, каблучки от старой обуви, тараканы и пр. (фабрика-кухня № 7).

Создаются громадные очереди до 5 тысяч и более человек за хлебом, простаивая целые сутки с 4 до 5 утра. Кроме того, зачастую хлеба не хватает. <...> В результате чего получается давка в очередях, сопровождающаяся ломанием дверей, битьем окон, ругательствами по адресу Соввласти».

«Работать заставляют как лошадей, а кормить не хотят, с голоду хотят заморить, сами-то позасели в кабинетах, отъели брюха, а рабочие гибнут с голоду. Не стало старых буржуев, так появились свои – советские». Отмеченные выше недостатки и настроения используются а/советскими

элементами, распускающими провокационные слухи и будирующими массу» [Докладная записка..., 1933, л. 76–97].

В 1937 г. картина не меняется. Из переписки Березниковского горотдела НКВД и Березниковского горкома узнаем, что «в нашем цехе стахановского движения нет. С расценками полная свистопляска. Твердых норм нет. Все делается, как понравится руководителю».

«Если имеешь работу на 5 часов, то тратишь на нее 14 часов исключительно из-за плохой организации труда. Работы связаны со сваркой и прессом, когда они выполняют работу, котельщик в это время, не имея другой работы, простаивает. Откуда же тут будет хороший заработок». «Работу делаешь, а рабочего листа не дают. Генератор уже работает, а за ремонт его я не знаю расценки. Спецодежды у нас нет, инструментом мы не обеспечены, на просьбу исправить инструмент, администрация отвечает – что няньки нужны. Мастера не беспокоятся за инструмент и администрация ничего не делает.

Наша администрация вредит делу. Не создает стимула к работе, расценки занизили, чернорабочий в результате получает больше, чем котельщик. Решения рабочих кладут под сукно. Рационализаторские предложения не реализуют. А у рабочих жрать нечего...» [Перечень..., 1937, л. 57–59].

Тема качества продукции, маргинальная в этом документе, становится ключевой при анализе состояния дел на Мотовилихинском оружейном заводе, тогда уже обозначаемом как завод № 172.

В 1930 г. его хотели закрыть. «Будняк (председатель треста. – *А. К., О. Л.*) сказал мне, что на Мотовилихинском заводе новое строительство не начинать, что этот завод должен доработать себя и стать, а изготовление артсистем будет перенесено на другие заводы. <...> Завод программы не выполнял и находился в запущенном состоянии, обслуживался исключительно конным транспортом. Я обратился к Смилге, но он тоже стоял на точке зрения, что Мотовилиху нужно закрыть», – вспоминал на своем последнем партийном собрании директор предприятия П. Премудров [Протокол № 14..., 1937, л. 64]. Аргументом в пользу закрытия явились и факторы культурного порядка. Даже сторонники реконструкции признавали, что им трудно будет совладать с призраками прошлого: «На Мотовилихе больше, чем где бы то ни было, сохранились традиция и дух старого казенного, бюрократического завода, буквально, персидская медленность в работе и проч. <...> Огромный слой администраторов, техников и инженеров все еще живут навыками и темпами старого казен-

ного завода и никак не могут переключиться на новые методы и темпы. Эти традиции старого имеются у значительных слоев рабочих и даже коммунистов. Если одну часть придется переделать и перевоспитать, то другую часть административно-технического персонала надо сменить. Надо на завод дать новые кадры». Правда, их некуда было размещать: «Мотовилихинский поселок испытывает острейший жилищный кризис. Достаточно привести данные о том, что (обследованном это установлено) норма жилплощади местами доходит до одного квадр. метра на человека, чтобы иметь представление о том кризисе в жилищах, который испытывает наш завод» [Выписка..., 1930, л. 103–106].

Новый директор, только что прибывший из Москвы, воспользовался своими старыми партийными связями с Л.М. Кагановичем и добился посылки полномочной комиссии, согласившейся, в конце концов, с тем, что завод, производящий тяжелые гаубицы, не следует закрывать. Правда, проблему с кадрами инженерно-технических работников решить не удалось. «Дело Промпартии» повлекло за собой массовое изъятие органами ГПУ старых специалистов с заводов Урала. На некоторых предприятиях взяли всех. И.Д. Кабаков, в те годы первый секретарь Уральского обкома, обратился к Сталину с просьбой унять разбушевавшихся чекистов (см. [Бакулин, Лейбович, 1990]). Выпускники советских вузов, только что переживших большую ломку (сокращение сроков обучения, соединение обучения с практикой, прием рабочих без экзаменов и пр.), явно были не слишком хорошими специалистами и даже с чертежами не умели работать. Тогда директор отправил комсомольскую экспедицию в Ленинград. Один из ее участников позднее писал о том, что им удалось набрать группу в «25–27 человек, которая включала в себя часть молодежи, только что окончившей техникум, и часть работников с заводов НКТП. Всем подобранному мною дано было согласие и просьба на быстрейший приезд на завод, за исключением трех человек из этой группы». Двое были очень требовательными по части денег: «3000 рублей подъемных, 2000 рублей сразу аванс в счет зарплаты с вычетом в рассрочку и оклад 850 рублей». Заметим, что в это время средняя зарплата рабочих на Березниковском химкомбинате составляла 123 рубля [Докладная записка..., 1933, л. 84].

«Инж. Воскресенский – очень стар (около 80 лет. – А. К., О. Л.) и, кроме того, до революции был членом правления директората Обуховского завода, значит, явно непролетарского происхождения. По специальности – инженер-артиллерист, и часть последних годов работал кон-

структором на «Путиловце» и «Большеви́ке». В 1872 г. окончил Михайл. арт. училище» [Аликин, 1937, л. 101]. Из дирекции последовал приказ: брать всех.

Каганович прислал опытных партийцев – ударный агитационный отряд – «пропбригаду»; те отправились в цеха: организовывать работу по новому, «расшивать» узкие места, убеждать, разоблачать, выдвигать.

Мобилизационные усилия дали результат: реконструкцию завода к 1936 г. завершили – выпрямили технологические цепочки, возвели новые корпуса, во многом благодаря директору. «Премудров, – говорил на допросе в 1956 г. главный металлург завода П.Н. Аликин (тот самый, который привез из Ленинграда 80-летнего артиллериста), – «... был исключительно хорошим хозяйственным организатором и руководителем. Был волевым, требовательным и принципиальным работником. Слова у него не расходились с делом. <...> Основные ремонтные цехи... находятся в том же виде и состоянии, в каком они были при Премудрове. <...> В период работы директором завода Премудрова молодыми инженерно-техническими работниками ставился вопрос о создании конструкторского отдела по созданию и освоению новых артсистем. При поддержке Премудрова такой конструкторский отдел был создан в составе технического отдела, а затем был выделен в самостоятельный опытно-конструкторский отдел. <...> Только при нем и началось создание и освоение новых видов военной продукции» [Протокол допроса свидетеля..., 1956, л. 217–219].

Острая нехватка кадров становилась частой темой обсуждений на партийных заседаниях. На одном из пленумов секретарь Пермского горкома Корсунов в сердцах воскликнул: «А где мы их возьмем? Ведь горком не кролик, он не может как кролик рождать кадры» [Выступление Корсунова..., 1933, л. 126].

Завод между тем гнал брак:

«152 мм гаубица обр. 1909/1930 и 152 мм мортира в 1935 и 36 гг. на заводе производством не шли, 122 мм гаубица образца 10/30 гг. в 1935 г. была переведена изготовлением на новый технологический процесс, а в 1936 г. было дано на изготовление небольшое количество и дана установка Главком, что эта система в дальнейшем с завода снимается, и, действительно, в программу завода на 1937 г. эта система не вошла. Завод с 1936 г. перешел к изготовлению 152 мм гаубицы /А-19/, каковую в 1937 г. модернизировали и назвали МЛ-20 – чертеж К-544-А. Кроме того, в 1937 г. на заводе опять гаубица 1909/1930, но по несколько измененным

чертежам и новой технологии под названием «ШГ» и, наконец, опытная система – это мортира 152 мм, чертежи которой еще не отработаны, так как испытание опытных образцов не закончено и заключение АУ не дано» [Протокол допроса Арсеньева..., 1937, л. 137–137 об.].

Премудров объяснял: слишком сложные технологии. Не справляются ни инженеры (после техникума), ни рабочие. «Мы требовали, чтобы нам уменьшили номенклатуру, но нам сказали, что кто-то же будет делать новые образцы. Об этом я докладывал лично Сталину. На заседании у Тухачевского я просил дать нам несколько конструкторов для переделки мортиры, потому что существующая тяжела для производства, но на мое заявление не было обращено внимание».

Впрочем, договариваться с большим начальством член ВЦИК Премудров умел: «Во втором полугодии были собраны системы, но сдать их не удалось. И я просил отсрочки у Орджоникидзе и у Сталина. Сталин ставил вопрос на правительстве, и эта отсрочка была дана до 16 февраля 1936 г.». Программу посчитали выполненной. Премии и другие награды распределили.

Для того чтобы перестроить производство, завод нуждался в средствах. «Денег на реконструкцию не отпускали, на жилстроительство тоже». Военное ведомство и платило мало (расценки на артиллерийские системы были занижены в разы) и не принимало брак.

Выход был один – диверсификация производства. Не получается с мортирами, будем выпускать драги, или лучше экскаваторы. Их проще сдать: «нет ОТК и военпреда». Инициатива шла с завода, но была поддержана наркоматом и СТО: «В отношении мирного машиностроения нужно помнить, что программа заводу задается Москвой. Нужно было нагружать завод, чтобы не распустить рабочих».

Для производства экскаваторов отвели помещения в ремонтно-механическом цехе. Финансовые показатели завода подскочили вверх: «Когда я пришел на завод, он давал около 20 млн в год, а теперь около 200 млн. Достижения у нас все-таки есть (не так, как говорил товарищ докладчик), они выражаются в том, что раньше ни одна деталь не соответствовала чертежу, а теперь этого нет», – оправдывался Премудров [Протокол № 14..., 1937, л. 64–75]. Чертежи экскаваторов нашлись почему-то в Пермской железной дороге.

Гаубицы не стреляли. Экскаваторы землю не рыли. Они поступали к потребителям в откровенно нерабочем состоянии. Руководство наркомата тяжелой промышленности, наученное горьким опытом «комбайново-

го дела» [Сталин, Каганович, 2001, с. 302–303, 318–319] попыталось остановить производство брака, добилось постановления СТО о прекращении выпуска молотовских экскаваторов. Заводской ответ последовал незамедлительно. За подписью «молодых инженеров» в адрес заместителя наркома Ю.Л. Пятакова был отправлено требование: не мешать инициативе «снизу», запрет на производство экскаваторов немедленно отменить: «Просим лишь о реабилитации завода, о создании нормальных условий нашей работы, о прекращении травли самостоятельной работы завода в области создания новых типов машин» [Покрышкин, 1935, л. 253 об]. Постановление было отменено. Экскаваторы от этого лучше не стали. Потребители составляли рекламации и подписывали соответствующие акты. Прочитируем один из них: «При сборке экскаватора “Молотовец” обнаружены следующие дефекты», далее следует перечень на страницу: «погнуты шатуны»; «место сварки станины имеет трещины», «в цилиндрах имеются царапины»; «котел при испытании показал течь дымогарных труб в количестве 32 штук. Отсутствует главный паропровод. Отсутствует выхлопной паропровод и обработка почти всех частей механизмов грубая» и др. [Акт 1937 года..., л. 124].

Так обстояло дело не только на заводе № 172. Материалы партийных конференций весны 1937 г., проходивших под лозунгом критики и самокритики, пестрят похожими фактами.

«(Лысьвенский) завод стоял 50 дней, это принесло не одну сотню тысяч рублей убытка, а ограничились выговором, указаниями. <...> Завод работает как сапожная мастерская» [Материалы..., 1937, л. 101].

На пленуме Пермского горкома ВКП(б) в 1933 г. сообщалось: «Мы имеем недостатки на решающих важнейших участках нашей работы: на транспорте, в сельском хозяйстве, в промышленности, советском строительстве и нарпит. <...> Мы за последние годы систематически не выполняем производственных заданий. Так, в 1932 г. выполнена производственная программа промышленности на 62%. Производственный план за 10 мес. мы выполнили всего лишь на 75%, [по] новостройкам на 58%» [Стенограмма пленума... 25 декабря 1933, л. 25].

Директора заводов быстро поняли, что власти ждут от них докладов о победах на фронтах пятилетки, и действовали соответственно.

Руководство завода № 19 всю продукцию, которая выпускалась в опытном порядке и по существу являлась браком, включило в учет выполненной производственной программы и рапортовало о перевыполнении плана. «Квалифицируя это на партийном языке, это можно назвать просто

очковтирательством» [Стенограмма пленума... 26 декабря 1933, л. 173]. Кроме того, Пермскому горкому ВКП(б) стали известны сведения о прямой фальсификации финансового положения треста Нарпит. Так, «руководители треста вступили на путь явного обмана партии о положении дел в тресте». В отчете, подготовленном перед чисткой, Шишкин (директор треста. – *А. К., О. Л.*) писал: «Финансовое состояние, которое в 1932 г. засвидетельствовано в РКИ как напряженное, сейчас решительно выправляется». В действительности же финансовое состояние треста постепенно ухудшалось и привело трест в начале второго полугодия 1933 г. к «финансовому прорыву» [Отчет о работе..., 1933, л. 111].

Пермский горком партии четыре раза в течение двух месяцев обсуждал вопрос о помощи железнодорожному транспорту: было решено выделить 10 квартир, 40 квалифицированных рабочих, вернуть в порядке мобилизации 130 бывших железнодорожников на прежнюю работу. В результате организованный по решению Совнаркома и ЦК ВКП(б) политотдел железной дороги получил полквартиры, а вместо 40 квалифицированных рабочих – несколько «дезертиров с производства», трех хромоногих и двух безногих работников [Стенограмма пленума..., 25 декабря 1933, л. 31].

Хозяйственные руководители не хотели терять хороших работников и откровенно саботировали исполнение решений горкома. Директор завода № 19, отправивший работать на железную дорогу калек, на бюро горкома дал следующие пояснения своему поступку: «Ведь тогда не было указано, кого посылать, а было указано, что нужно посылать всех бывших железнодорожников» [Стенограмма закрытого заседания..., 1933, л. 7].

Историческая дистанция протяженностью в два поколения позволяет найти причины низкого качества труда на одном, отдельно взятом заводе. На поверхности мы обнаружим чудовищную некомпетентность всех участников производственного процесса.

Директор Мотовилихинского завода действительно был дельным человеком и строгим администратором. Подчиненные за глаза называли его Петром Великим, вот только технического образования Петр Премудров не имел. Да и вообще учился мало. Двухгодичное пребывание в Промышленной академии было заполнено чем угодно: борьбой с правыми и примиренцами, редактированием стенгазеты, участием в многочасовых заседаниях, но вовсе не учебной. Он был до поры до времени очень умелым ходатаем по делам завода в самых высоких учреждениях, мог

подбирать себе работающих помощников, но был совсем не сведущ в конструкциях, сплавах и технологиях, всецело полагаясь на инженерно-технических работников. Те же его неоднократно подводили. «Об экскаваторах я говорю то, что мне докладывал Покрышкин. Для меня неизвестно, что они не работают», – говорил на партийном собрании директор [Протокол № 14..., 1937, л. 75].

Костяк ИТР составляли выпускники советских вузов и техникумов: что-то они знали, что-то нет, сплошь и рядом делая ошибки при решении технических вопросов. Порядок в чертежном деле они навести так и не смогли:

«Чертежи не сходятся один с другим, в бюро одни, в цеху – другие, а у военпреда – третьи. Все они на одну и ту же систему, но когда приходится сверять один с другим, то оказывается, что они не сходятся. В течение всего года вносятся изменения в чертежах в порядке технологического процесса. Часть изменений оформлена, утверждена, а некоторая часть никем не утверждалась. Оформление этих документов должно было быть закончено еще в 1934 г., но до сих пор эта работа не проведена», – такой увидели организацию труда слушатели артиллерийской академии, практикующиеся на заводе № 172 [Письмо слушателей..., 1937, л. 76].

П.К. Премудров отводил душу в цехах: распорядился, наводил порядок, наказывал, боролся за чистоту.

Рабочим явно не хватало дисциплинированности. В сейфе у директора завода хранилось письмо 14-летнего мальчика. Он просил заступиться за арестованного отца-нормировщика: «Простите папу, если он что-либо сказал, то был подведен под разговор из-за зависти к нашей мирной жизни, чтобы погубить всю семью. <...> Будьте добры, накажите папу чем-нибудь таким, чтобы он был с нами. Я буду учиться, чтобы через некоторое время встать в ряды инженеров, я даю вам честное слово пионера, что буду следить за папой, тогда бы он был с нами, иначе мы погибнем. Мы скоро останемся раздеты и без квартиры, не говоря, конечно, о куске хлеба. Товарищ, еще прошу вас, пощадите нас, пожалуйста, правда, папе 50 лет, он отжил свое время, но неужели за 35 лет работы ничего не заслужил для нас». По мнению школьника, отца погубили рабочие: «А между прочим я помню, как папа, приходя с завода, возмущался, говоря с мамой о том, что молодежь стала никуда не годной, не хотят подчиняться, на замечания, что плохо выполнена работа, ругались, говорили: делай сам, посылали кому куда хочется, приходили на работу в нетрезвом виде и дремали. Буторин, Гутов и другие поместили

заметку в стенгазету, что он плохой администратор и что нет дисциплины, то он решил показать дисциплину, им не понравилось, вот они и сделали. Впрочем, я не знаю, может папа и верно виноват, но тут есть и личные счеты многих его сотрудников. Папа был старше своих сотрудников, но они его не признавали, вот что и получилось» [Копьев..., л. 178–180].

Конечно, это взгляд подростка, потрясенного арестом отца, но конфликт между старыми мастеровыми и новобранцами от промышленности в письме выглядит вполне правдоподобно. Кто-то ведь гнул шатуны и оставлял царапины на цилиндрах...

Низкая квалификация работников и связанная с ней слабая технологическая дисциплина образуют первый слой в общем комплексе причин, порождавших низкую эффективность индустриального труда.

Был и второй, спровоцированный мощными социальными демотиваторами.

Самым главным из них можно считать плановую анархию, доминирующую на всех этажах принятия решений: произвольная смена директивных показателей, навязывание заводу непосильных заданий, постоянное недофинансирование, полное равнодушие вышестоящих инстанций к судьбе завода: «Была путаница с мобпланами, я ходил с этим вопросом к Молотову, он согласился поставить его на правительстве, но ничего не изменилось. «Мы не проектировали артиллерийские системы, – оправдывался Премудров. – Все зависело от центра. Проекты утверждались в Ленинграде. Мы вносили только исправления. <...> Не разрешали сумм на капремонт как оборудования, так и зданий. ... Главное было отсутствие средств» [Протокол № 14..., 1937, л. 74 об–75].

В своем личном дневнике директор писал о «неумелом руководстве главка» и что «там нет ни одного мало-мальски серьезного и грамотного человека, работающего не за страх, а за совесть» [Протокол осмотра..., 1937, л. 168].

П.К. Премудров понимал, что начальник главка И.П. Павлуновский, наверное, опытный чекист, но совсем не осведомлен в делах промышленности. Он даже пытался поменять ситуацию: «Перед Кагановичем я ставил вопрос о Павлуновском, что он не на месте. Каганович сказал, что он это знает, но Павлуновского нечем заменить» [Протокол № 14..., 1937, л. 66 об].

В то же время директор завода, будучи человеком системы, уничтожал мотивацию к труду у своих подчиненных, увеличивая социальную

дистанцию между руководством предприятия и рядовыми сотрудниками. Власть насаждала социальные привилегии для руководящего слоя, к которому принадлежала и верхушка инженерного корпуса. На фоне нищеты трудящихся масс приметы роскошной жизни были мощным провоцирующим фактором: зримым и раздражающим.

Для жены иностранного специалиста, путешествующего по стране в «спальном вагоне, обтянутом кожей», и сам этот роскошный вагон, и сцепленные с ним теплушки, «переполненные людьми в рубищах» стал явным доказательством того, что в стране появилась «новая элита», привилегированная каста, «уровень жизни которой ничего общего не имеет с уровнем жизни масс» [Doll-Schlumberger, 1962, p. 266–267].

В соответствии с этими новыми правилами директор затеял строительство дачи. Ее внесли в титульный список, выделили рабочие бригады, а между тем молодые специалисты с дипломами жили в комнатах по 5–6 человек, сотни людей бедовали во временных бараках и переполненных старых казармах, называемых теперь общежитиями. «Коробки домов № 18 и 19 в Рабочем поселке были еще выложены в 1933 г. и, начиная с того времени, рабочим и специалистам завода давались обещания о предоставлении квартир в этих домах. Дома же эти оканчиваются строительством только в 1937 г.», – сообщал на допросе один из руководителей завода № 172 [Протокол допроса Ушакова..., 1937, л. 115].

Командный состав завода получал подарки от наркома: автомобили, радиоприемники, золотые часы. Директор ездил на «Линкольне». Рабочие часами мерзли на трамвайных остановках.

Частые поломки оборудования, простои и аварии делали производство опасным.

В письме слушателей артиллерийской академии упоминается о дурном настроении работников артиллерийского завода: «Наблюдается большое желание, особенно молодых специалистов, уйти с этого завода на другой. <...> В результате часть из них уходит с завода, а часть, вместо активных передовиков, становится в голове всяких настроений [Письмо слушателей..., 1937, л. 75 об.]. Словечко «всякие» – здесь эвфемизм, прикрывающий озлобление, равнодушие, растерянность, апатию. Работники, испытывающие эти чувства, слабо реагировали на пафосные призывы, медленно и неохотно впрягались в стахановское движение, отчужденно относились к заводу, и в особенности к его руководству.

И вот здесь мы можем обнаружить источник, питающий все эти и другие, не названные нами причины, а именно: культурный разрыв меж-

ду работниками, привыкшими к неторопливой сезонной работе, полагавшимися на авось, едва приобщенными к книжной культуре, боящимися машин и механизмов, с одной стороны, и требованиями машинной цивилизации, с другой. Для эпохи модернизации этот разрыв можно считать явлением органическим. Для его преодоления необходимо время, измеряемое поколениями, – время, заполненное реализацией большого просвещенческого проекта. Люди первых пятилеток, в том числе жившие пафосом строительства, несли в своем сознании совсем другие традиции. И если некоторым из них удавалось сыграть роль «капитана индустрии», то это все-таки зачастую была роль, навязанная обстоятельствами, партийной дисциплиной, пафосом преобразований. Но роль эту исполнял человек, предрасположенный к совсем другим действиям. Он мог копировать приемы работы иностранных специалистов, оставаясь по своим установкам человеком совсем иной эпохи – военной, или мирной, но в любом случае доиндустриальной. Им было очень трудно «овладеть техникой», но еще сложнее производственными отношениями. Руководители упрощали их по собственной мерке: создавали начальственные артели, построенные на принципе патрон-клиентских отношений, практиковали внеэкономические методы принуждения, укрепляли свои статусные позиции «ударным потреблением» и пр.

Подобные процедуры, но только на своем уровне, проделывали и рабочие, относящиеся к своему нынешнему положению как к временному, приспособлявшие свои рабочие места и трудовой ритм к собственному представлению о «правильной жизни».

То, что на языке 1937 г. называлось «вредительством», было либо просто неумением, властью привычек, либо нежеланием исполнять невнятные, но от того не менее противные распоряжения начальства.

В головах кремлевских вождей образ индустриализации раздваивался. Две картинке никак не могли совместиться друг с другом. На одной из них существовали гиганты индустрии, перечни цифр, свидетельствующие о невиданном экономическом подъеме. На другой медленно проявлялась дезорганизация производства, многие тонны брака, тысячи несчастных случаев. У этих картинок были разные создатели: парадное изображение социалистической промышленности широкой кистью писали руководители хозяйственных ведомств и региональные партийные начальники; мозаику, сложенную простоев, аварий, недоброкачественной продукции, собирали сотрудники наркомвнудела.

Руководители советского государства видели мир через призму двух теорий: 1) большой рациональной организации, при помощи которой можно было «взять любые крепости» (овладеть техникой, спланировать производство, воспитать кадры); 2) обострения классовой борьбы. Последняя должна была объяснить, почему не срабатывают механизмы социалистического хозяйствования – планирование, социалистическое соревнование, стахановское движение и пр. – их портят враги: «бывшие люди» (кулаки, подкулачники, нэпманы, дворяне и помещики, члены антисоветских партий, белогвардейцы, офицеры и священники...) и троцкисты, или, иначе, враги с партийным билетом, возглавившие контрреволюцию.

И для того, чтобы ускорить индустриализацию, власть решила действовать испытанными, привычными средствами: террором, нисколько не поправившим дело. Напуганные технические специалисты отказывались принимать какие-либо решения. После январского (1937 г.) показательного процесса над руководством Наркомтяжпрома работники Главка химической промышленности фактически прекратили работу: «В Главхимпроме черт знает что творится, прямо кошмар, люди ходят, словно после пожара, друг другу не доверяют, боятся подписать бумажку. Этот переполох заметен и в нашей главной конторе комбината. Подписывать бумаги боятся, отсылают один к другому, гоняют людей, все хотят избежать ответственности», – делился своими впечатлениями один из инженеров Березниковского химкомбината. Его отзыв попал в сводку, отправленную начальником горотдела НКВД секретарю Горкома [Моряков, 1937, л. 102]. Этот путь вел к развалу производства.

Другой путь означал пересмотр организационной схемы социализма. К этому ленинские наследники тогда были неспособны.

Большим террором партийное руководство откладывало решение ключевой модернизационной задачи: создания новой индустриальной культуры. Вместо нее высшая власть осуществила бойню собственных кадров вкупе с истреблением целых групп населения, подозрительных с точки зрения классовой и национальной принадлежности.

«Меня держали на конвейере...»

В ходе массовой операции, начатой по приказу наркомвнудела в августе 1937 г., оперативные работники должны были в кратчайшие сроки совершить следственные действия и отправить «на тройку» сотни людей

в соответствии с установленным планом. «Между прочим, в тот момент не называли “вести следствие”, а говорили “оформить дело”, – спустя годы вспоминал на допросе один из сотрудников Свердловского УНКВД [Обзорная справка..., 1955, л. 60].

«Оформить дело» означало получить признание в повстанческой, террористической, или диверсионной деятельности, закрепить его в протоколе, установить категорию для репрессии (I – расстрел, II – 10 лет исправительных лагерей) и сделать краткую выписку для «альбома». По ней «тройка» в Свердловске выносила соответствующее постановление. На все эти операции следователю отводилось чуть более часа.

«Требовали по 10 дел в день. Жили на обогатительной и работали по 20–22 часа в сутки», – рассказывал о своих трудовых буднях сотрудник Кизеловского горотдела [Протокол допроса Герчикова, 1939, л. 113].

Работали по плану: «Последовало распоряжение из Свердловска (от кого персонально – не помню) Пермскому горотделу, в порядке контрольной цифры на признавшихся арестованных, среди которых должно было быть не менее 80% признавшихся, причем признания должны содержать в себе или шпионаж, или диверсию, или террор, или повстанчество» [Выписка их протокола допроса Былкина, 1939, л. 99].

Чтобы выдержать такой темп и «выйти на контрольные цифры» руководители следственных органов, естественно, вынуждены были внедрять научную организацию труда: разбить процесс на операции, подготовить шаблоны и обучить им исполнителей.

«Оперштаб работников был разбит на четыре группы, первая из них отбирала заявления, вторая по этим заявлениям составляла протоколы допросов, третья проводила подписи протоколов путем вызова арестованных группами по 15–20 человек, а четвертая составляла справки в альбом для отсылки в особое совещание», – докладывал новому начальнику Областного управления НКВД один из ответственных исполнителей приказа наркома [Мочалов, 1939, л. 133–134].

В докладе пропущено целое звено: внутрикамерные провокаторы из заключенных. «В тюрьме существовали так называемые колуны – это признавшиеся обвиняемые, которые агитировали среди заключенных о скорейшем признании в принадлежности к какой-либо к-р организации», – читаем в показаниях машинистки горотдела НКВД [Обзорная справка, 1955, л. 213]. Среди «колунов» были свои рекордсмены, добивавшиеся до 100 признаний в день. «Арестованные стояли буквально в очередь, чтобы скорее написать заявление о своей контрреволюционной деятель-

ности, и все они были потом осуждены по первой категории» [Из обзорной справки, б. г., л. 160].

«Отбирать заявления» означало получить от арестованных письменное признание в том же самом терроре, или во вредительстве. Доверить его составление запуганным и дезориентированным, часто малограмотным людям значило загубить дело. Вместо них заявление составляли оперативные работники, умевшие владеть пером и понимавшие поставленные перед ними задачи.

Один из руководителей среднего звена в Свердловском УНКВД представлял своих подчиненных:

«Некоторые начальники отделений слишком наивно рассуждают и ждут, когда арестованный сам напишет о своей преступной деятельности. Надо понять, что следователь должен быть своего рода врачом и устанавливать диагноз. ... Пишите протоколы сами, стройте гипотезу» [Выписка..., б. г., л. 55].

Чтобы легче было строить гипотезы, руководство предлагало готовые шаблоны. Начальник Пермского горотдела НКВД В.Я. Леоцкий составил «схему организационного построения контрреволюционной организации» – чертеж, выполненный специалистом одного из местных заводов. «В общем виде эта схема представлялась в следующем виде: во главе штаб белогвардейской эсеровской организации в составе: от правых ГОЛЬШЕВ – быв. 1 секретарь горкома ВКП(б), от троцкистов – ДБЯЧКОВ – быв. 2-й секретарь горкома ВКП(б), от белогвардейцев – ОПУТИН – быв. преподаватель Краснокамской ср. школы, от эсеров – ВАСИЛЬЕВ – быв. мастер по металлу, от меньшевиков РАСПЕВИН – быв. мастер завода “Красный бурлак”».

Эта схема должна была служить основой для составления протоколов» [Справка по АСД, 1941, л. 38–39].

Начальник оперативной группы в Соликамске Я.Ш. Дашевский лично от руки «составил типовой протокол допроса в двух вариантах, т.е. на рядового повстанца и организатора. Кроме протокола, Дашевский составил типовое заявление, которое было размножено и роздано следователям для руководства» [Из протокола, 1939, л. 155].

Применяемые технологии вполне соответствовали правилам научной организации труда, разрабатываемым для советских и партийных учреждений во второй половине 20-х годов А. Гастевым и его сотрудниками на основе системы Ф. Тэйлора, точнее, методам работы ударных бригад: с детальным разделением труда на основе коллективной заинтересован-

ности, стандартизации и интенсификации производственной деятельности, работы на конечный результат. Из новшеств второй пятилетки здесь явным образом использовались так называемые «поточно-конвейерные методы организации производства», заимствованные, в свою очередь, у Генри Форда.

«Важнейшим звеном технологической цепочки сборки автомобиля стала простая идея – гора должна идти к Магомету, т. е. монтажная линия по мере движения остова автомобиля по конвейеру от одного рабочего места к другому обрастала деталями, узлами и т. д.». [Фордизм].

Собственно, так же происходило с арестованным. Его изымали из привычной среды, лишали личностных (профессиональных, социальных, политических) черт, а затем, передвигая сугубо механически от одного оператора к другому, трансформировали в преступника, подлежащего немедленной ликвидации или утилизации в лагерных условиях (см. [Лейбович, 2011]).

Командиры объясняли следователям, что те работают исключительно с разоблаченными врагами: «...на обвиняемых уже имеется решение и сомневаться в том, что он не враг, не стоит» [Протокол допроса Кужмана, 1939, л. 181]. А раз так, то и церемониться с ними не надо. Инструктируя курсантов Свердловской школы НКВД, прикомандированных в Кочевский райотдел помощник начальника Свердловского управления Н.Я. Боярский наставлял своих слушателей: «... в борьбе с врагами любые методы хороши» [Протокол допроса Чернякова, 1956, л. 247]. Вот следователи и работали как на конвейере, обрабатывая «заготовки» по технологической карте, механически, не задумываясь над смыслом того, что делали.

«О том, что за подложными протоколами стоит живой человек – и кроме того, его родственники, семья и дети, я не думал никогда. Я думал, что наша работа направлена на пользу Советской власти», – говорил на суде оперативник Пермского райотдела НКВД Ветошкин [Протокол судебного заседания..., 1939, л. 164].

Любая жестокость оправдана высокими целями. «Почему эта суровая расплата с врагами, – на исходе гражданской войны выстраивал риторическую фигуру А.В. Луначарский. – Только потому, что это нужно для реализации высоких идеалов» [Речь Луначарского, 1920, с. 18].

Поскольку это был конвейер на советской фабрике, для стимулирования следователей применялись новые методы. Главный из них – социалистическое соревнование.

«В общем, делали соревнование на предмет большего количества признавшихся», – скупно признавался на бюро райкома один из следователей [Выписка из протокола..., 1939, л. 5]. Победителей поощряли морально и материально; отстающих сурово критиковали. «Все, что было лучшего в чекистском коллективе, было придавлено и смято этой грязной волной “соревнования” Легоцкого, Наротьева, Тюрина, Королева и др.», – рапортовал новому начальству стахановец следственного дела [Окулов, 1939, л. 194].

Те, кто не умел ударно трудиться, получали «черную метку»: не умешь бороться с врагами, сам пойдешь на «тройку», та не пощадит.

Складывается ощущение, что организаторы операции были хорошо знакомы с образцовым сочинением Якова Ильина «Большой конвейер», изданном уже после смерти автора в 1934 г. [Ильин, 1934].

Роман, по литературной форме близкий к серии очерков, был посвящен строительству Сталинградского тракторного завода: узнаваемые ситуации, едва прикрытые псевдонимами руководители и ударники. На первом съезде советских писателей Всеволод Иванов очень хвалил персонажей этой книги, совсем не похожих на героев «Петра Первого» Алексея Толстого: «В “Конвейере” едят люди меньше, хуже говорят, непрерывно заседают, но насколько эти люди безгранично умнее, шире людей Московской Руси. Эти люди безгранично героичнее» (см. [Первый Всесоюзный..., 1934]).

Впрочем, люди в романе как раз были прописаны бледно и безлично: «Герои же “Большого конвейера” изображены порой схематично и становятся неотличимы друг от друга. Как муравьи, они мелькают перед читателем и путаются. Введя новый персонаж в повествование, Ильин неожиданно забывает про него надолго или даже навсегда. Уже по прошествии времени автор, словно спохватившись, вспоминает о ком-то из героев романа, потерянном на первых же страницах, и неловко пытается доказать необходимость этой фигуры в развитии сюжета, который уж давно пошел совсем по иному руслу в обход этой отдельной судьбы. Человек слаб, случаен, незначителен, а завод – могуч, вечен, величествен. Ценность жизни отдельного человека определяется его вкладом в великое дело стройки завода», – так формулирует основную мысль романа его современный исследователь [Беззубцев-Кондаков, 2005].

Первые читатели романа также заметили эту особенность авторского стиля. В конце ноября 1934 г. молодые инженеры завода № 19, производящего авиамоторы, организовали литературный кружок. На первом за-

седании обсуждали «Большой конвейер». Дело происходило в комнате общежития, людей собралось немного – человек 8–9, но чтобы все было серьезно, установили регламент: доклад о книге (ее не все читали), вопросы, дискуссия. Докладчик, им был выпускник Харьковского института Лев Юфит, «указал, что книга написана схематично, герои выведены бледно. Эту точку зрения подтвердил и Полесицкий. Участвовавший в обсуждении книги Мацук выступил в защиту Ильина и говорил о большой ценности этого произведения. При обсуждении героя Газгана, выведенного в этой книге, среди участников диспута, в частности между Юфитом и Мацук, возник спор о яркости выведенного типа. Юфит говорил, что Газган выведен слабо, имеет слишком много лишнего, что делает его отрицательным» [Протокол допроса свидетеля Переплетчик..., 1935, л. 119]. Спустя три месяца все участники литературного вечера давали показания следователям НКВД: кто-то как обвиняемый, кто-то как свидетель. Газган – такое имя носил в романе секретарь парткома – допрашивающих интересовал мало, много меньше, чем Соломатин, еще один персонаж романа, ни во что не верящий троцкист. Следователь все допытывался, что именно говорил о нем Л. Юфит, как долго и с какой интонацией – не сочувственно ли?

Нет, не слишком, был общий ответ:

«Спор шел в плоскости того, что троцкист дан в неверном представлении. Я – Юфит – считал характеристику автора, данную Соломатину, верной, т.е. троцкисты стали минималистами, а Мацук требовал, чтобы он был сверхиндустриалистом» [Протокол допроса Юфита..., 1935, л. 11].

Конвейер, эта движимая электрическим током лента, становится символом нового советского индустриализма, всей советской жизни. Для современников Я. Ильина конвейер был олицетворением могущества науки, зримым воплощением современных чудес техники, чем-то вроде нынешних нанотехнологий, никем не виданных, но впечатляющих.

Слово «конвейер», как и слова «соревнование», «ударники», «стахановцы», «передовой опыт», «планерки», вошли в следственный лексикон. Общий культурный тренд, заданный индустриализацией, вовлек в свою орбиту и дело террора. В одном из документов 1939 г. встретился пассаж о «фабрике Морозова – Горшкова», ежедневно добывавшихся десятках, если не сотнях признаний [Выписка из протокола допроса Тюрина, 1939, л. 181.]

Фабричное производство предполагало использование машин – в то время, как правило, импортных. Одну из технических новинок импортировали из Северо-Американских Штатов: «барабан – либерти», некогда придуманный для игры в рулетку, но затем приспособленный для дознания. Его описание удалось обнаружить в материалах допросов А. Эйхмана: «...такая карусель диаметром в несколько метров. И обслуживавший ее сотрудник, сидя на вертящемся кресле, как за роялем, крутил это “колесо” и мог отыскать нужную перфокарту. На таких карточках записывались все важные сведения по Австрии» [Ланг, 2002]. По Перми такую процедуру реализовать не удалось: барабан «для выявления чуждых лиц в режимном городе» сломали [Тиунов, 1937, л. 34].

Конвейер работал, приводимый в движение силой НКВД.

«Поставить на конвейер» на языке следствия означало проводить непрерывный допрос вплоть до признания арестованного в предъявленных ему обвинениях. Это была особая форма пытки: не останавливать ленту до тех пор, пока с нее не сойдет готовое изделие – признавшийся враг народа.

Как это происходило в действительности, подробно рассказал спустя полгода, 19 января 1939 г., на допросе своему новому следователю Михаил Иванович Волнушкин, бывший до ареста прокурором города Перми. Будучи по происхождению фабрично-заводским пролетарием (даже во втором поколении), он по образу жизни больше напоминал крепкого хозяйственного мужичка: любил уют, хорошие вещи, пока была возможность, покупал валюту: иены, доллары (по два рубля за штуку) «для коллекции». Злые языки говорили: для торгсина. Исключили было из партии, затем восстановили. При обыске у него изъяли фотоаппарат, радиоприемник, серебряные часы. Волнушкин хорошо знал житейскую мудрость: плетью обуха не перешибешь. В 1937 г. на произвол местных нквдешников смотрел сквозь пальцы, один раз написал было протест на незаконное выселение семьи рабочих из квартиры, приглянувшейся какому-то чину из горотдела, но после совета из Свердловска «не кипятиться», тут же его отозвал.

Молодую журналистку на последних месяцах беременности исключили из комсомола и уволили из газеты «Звезда» «за политическое и моральное разложение и связь с врагами народа». Так в приказ и записали. «Считая свое увольнение неправильным, я в тот же день пошла к прокурору Волнушкину, – написала она в жалобе на имя первого секретаря обкома. – Но Волнушкин, даже не выслушав меня, как следует, заявил:

“Если Вы допустили преступление, закон о беременных женщинах на Вас не распространяется”» [Круглова, 1937, л. 86].

В Пермском горотделе НКВД считали, что с ним хлопот не будет. Сразу капитулирует. В день ареста – 8 марта 1938 г. – так и заявили: «В отношении тебя – Волнушкина – мы не будем соблюдать УПК, виноват ты, или не виноват, все равно тебя угробим» [Жалоба..., 1939, л. 231]. С прокурором ошиблись. Он ничего подписывать не захотел – и тогда его выставили на конвейер: первоначально не поставили, а посадили на стул на 14 часов в соседней комнате, а потом уже на трое суток: «Сидел я в разных комнатах с Мелеховым, Борисовым, Есюниным и другими, которых не помню.

В уборную не отказывали, пищу давали два раза в день в этих же комнатах. Спать <...> не давали. Были случаи, когда я дремал, получал предупреждения». Признаваться не стал, – и тогда его отправили в карцер на 20 дней: «Будучи в карцере, полотенцем, мылом и ложкой не пользовался, причем пищу, кроме хлеба и сахара, давали через 5 дней на 6-й. В карцере избиения не было». Спустя неделю снова привели на допрос:

«15 июля последовал следующий вызов в горотдел НКВД, вызов был произведен Зыряновым, который предложил написать заявление о том, что я состоял в контрреволюционной организации, писать отказался, по меня допускал матершину, поставил к стене и велел стоять, стоял я на ногах 5 дней, т.е. до 20 июля в разных комнатах горотдела в присутствии работников, стоял у Зырянова, Борисова, Тюрина и еще у работника третьего отделения, фамилию не припомню.

Перерыв за эти три дня для отдыха не имел. Только два раза, один раз – часа на четыре, второй раз – часов до шести при КПЗ. Пищу в эти дни получал один раз в сутки. В уборную Зырянов ходить не давал, обыкновенно, в уборную ходил один раз в день – и то при других работниках. Больше всего в эти дни пришлось стоять при Зырянове.

В один из дней за этот период времени, во время нахождения у Зырянова последний надо мной издевался за то, что я не писал заявления, которое мне предлагали написать. Перед тем, как меня избивать Зырянову, пом. начальника горотдела НКВД Былкин меня ударил рукой по щеке и сразу после этого ушел. Я остался с Зыряновым, который подошел ко мне, взял за ворот и таскал по комнате, ударял в стену, в это время приговаривал и всячески оскорблял, ударял книгой раз до пяти по сонным артериям, бил ребром ладони руки по сонным артериям, пинал ногами в мои ноги, ударял кулаком в живот; все это продолжалось часов с 2-х

ночи до пяти утра. При избииении требовал написать заявление о том, что я состоял в контрреволюционной организации правых.

После избииения приходил к Зырянову Былкин, который требовал написать заявление, при этом угрожая, говоря, что это только начало; мы все равно от тебя добьемся; в твоём распоряжении осталось три дня, а потом тебя расстреляют.

В момент избииения я Зырянову говорил, что меня завербовал Лейман, а когда пришел Былкин, я написал письменное заявление, содержание которого заключалось в том, что меня завербовал в контрреволюционную организацию правых Лейман. Подробности изложу особо. Зырянов мне предлагал написать тут же все подробности, я отказался, так как был не в состоянии. Заявление мое было написано в присутствии Былкина и Зырянова.

После написания заявления был уведён в КПЗ, часов через 5 снова вызван к Зырянову для продолжения писания заявления, предложил подробно описать, как я был завербован. Отказавшись, он снова поставил меня к стене, где стоял часов 12, причём допустил вторичное избииение, вследствие чего я вынужден был писать продолжение заявления, при писании давал мне установку, как писать. В момент писания наносил удары ребром ладони руки.

После того, как я написал в конце заявления о том, что я в контрреволюционной организации правых не состоял, и никто меня не вербовал, снова поставил к стене. В это время заходил Тюрин. Зырянов ему сказал, что опять вертится, тогда Тюрин ударил кулаком в грудь с матерщиной, после этого вышел из кабинета Зырянова. Простояв часа два, Зырянов снова заставил писать заявление о контрреволюционной работе, причём говорил, что писать надо так, что я, действительно, враг народа» [Протокол допроса Волнушкина, 1939, л. 39–44].

Г.И. Лейман – до ареста областной прокурор. Именно ему умельцы из Свердловского УНКВД в показания от 28 сентября 1937 г. вставили абзац: «В соответствии с директивой Чудновского я создал контрреволюционную группу правых. В эту группу входил Волнушкин – прокурор гор. Перми. Он был вовлечен лично мною, в 1935 г.» [Справка компрометирующих материалов, л. 1].

Василий Иванович Былкин, символической пощечиной давший сигнал к избииению, был тогда в Перми самым большим начальником по линии НКВД, со стажем службы в органах не более двух лет: до этого комсомольский работник в Туле, очень исполнительный, красноречивый.

Парторгу ЦК ВКП(б) на заводе им. Сталина Логинову он запомнился «грамотным, умным, рассудительным коммунистом» и обаятельным человеком» [Логинов, 1988, л. 4].

В декабре 1939 г. следственное производство по делу М.И. Волнушкина было прекращено «за недостаточностью состава преступления» с освобождением обвиняемого из-под стражи [Постановление..., 1939, л. 186–189].

Упомянутые в показаниях сотрудники горотдела НКВД в августе 1939 г. предстанут перед трибуналом Московского военного округа войск НКВД, расскажут в неведении, получают реальные сроки [Протокол судебного заседания, 1939].

Читатели «Большого конвейера» с завода № 19 были ОСО НКВД признаны виновными и отправлены – кто в лагерь, кто в ссылку.

Судили их за троцкизм. Состав обвинения собирали из разных кубиков. Пришлось в пору и литературный спор о «Большом конвейере»: «... во время проработки этой книги шли явно к/р толкования» [Постановление..., 1935, л. 208]. Возможно, контрреволюционные толкования и заключались в том, что инженеры говорили о людях, тогда как главным героем романа был конвейер.

В двухтомном деле есть только два упоминания о том, как инженеры работали в свободное от разговоров время. Их непосредственный руководитель сообщил следователю:

«Вся эта группа лиц достаточно хорошо проявляла себя в производстве и активно в общественной работе и ничего плохого за ними, тем более антипартийного, я не замечал, хотя наблюдал не только за их работой, но и заходил к ним домой посмотреть, как они устроились и проводят свой досуг» [Протокол допроса Безшапошникова..., 1935, л. 98].

Главный конструктор завода также оценил деловые качества подследственных:

«Юфит была поручена расчетная работа, в которой он проявил себя недостаточно способным и внимательным работником, в работе допускались ошибки неумышленного характера, и Юфит особой ценности для работы на данном участке не представлял.

Полесицкий вел конструкторскую работу, за время работы в конструкторском бюро сконструировал два агрегата моторов, которые в настоящее время пускаются в производство. К работе относится внимательно и добросовестно. Работал над повышением своей квалификации. При проверке результатов его работы каких-либо ошибок не установлено.

Мацук поручались наиболее ответственные задания по работе, с которыми он справлялся удовлетворительно. Считался одним из наиболее способных молодых инженеров в тех/бюро. В последнее время его предполагалось перебросить в экспериментальный отдел» [Протокол допроса Концевича, 1935, л. 42]. Производственные результаты во внимание приняты не были. Перевесили неосторожные заявления, что не дурно было бы партийным пропагандистам читать и контрреволюционную литературу – они для этого достаточно подготовлены, и размышления вслух на тему, не появился ли в деревне новый класс – колхозники, но самое главное – создание литературного кружка как прикрытия для контрреволюционной организации. Все это было признано «троцкизмом» и наказано приговором.

Технологический язык массовой операции – планы, контрольные цифры, шаблоны, сценарии, чертежи, конвейер – не были случайными заимствованиями из лексикона индустриализации. В нем проявилась общность культурных установок организаторов социалистической реконструкции и машинистов террора. Все они ориентировались на масштабность и массовость акций, использовали одни и те же мобилизационные инструменты, оценивали свою работу, прежде всего, по количественным показателям, требовали перевыполнения планов и не щадили сил исполнителей. Среди них первую скрипку играли люди, увлеченные этосом труда. «Работу она любила страстно. Собственно, так она любила именно работу, и ничего больше. В этом смысле она была человеком своей эпохи – эпохи строительства. Строительства чего? – спросите вы. Я думаю, что эти отвлеченности ее не занимали», – эти слова, написанные о матери большого российского психолога, очень многое объясняют в энтузиазме исполнителей большого террора [Фрумкина, 1997]. Люди этого склада чуждались сантиментов. Для достижения цели они готовы были принести в жертву чужие жизни. Большевицкий литератор А. Воронский, столкнувшись с молодыми энтузиастами модернизации страны незадолго до раскулачивания, заметил в них и «отсутствие склонности к рефлексии», и равнодушие к «музе мести и печали», грозящее превратиться в «черствое, жестокое отношение к бабенкам и мужикам» [Воронский, 1929, с. 124].

В 30-е годы поведением этих людей управляли, наверное, на равных этос труда и страх. Страх выпасть из числа работников и превратиться в заготовку,двигающуюся по ленте к скорой гибели.

«Нечто вроде салона...»

Риторика большого террора была насыщена военными и конспирологическими образами: «штабы», «центры», «повстанческие роты», «гнезда заговорщиков», «шпионские организации» и т.д. Наряду с ними появляются слова, принадлежащие к иной литературной традиции («богема», «салоны»), однако и они несут соответствующую ситуации разоблачительную смысловую нагрузку. В протоколах допроса читаем о жене Ежова, которая «окружала себя политически сомнительными людьми из числа артистов и журналистов, я бы сказал, богемного типа» [Спецсообщение Берии, 1939, с. 75].

Двумя годами раньше, в марте 1937 г., свердловские партийцы на пленуме обкома обсуждали «салонную тему». Поводом послужил арест в Ленинграде С.Г. Чудновского, бывшего в течение семи лет (вплоть до 1935 г.) председателем Уральского (Свердловского) областного суда. Арестованный 14 марта 1937 г. (в день начала работы пленума) по обвинению в «контрреволюционной террористической деятельности», Чудновский держался около двух месяцев и до начала мая никаких показаний не давал. В судебную систему он пришел почетным чекистом, следственную практику знал и вряд ли имел какие-то иллюзии по поводу смягчения наказания ввиду чистосердечного раскаяния. Свердловское партийное руководство, естественно, о ходе следствия не было уведомлено. Ему только сообщили, что Чудновского уже «везут» в Свердловск [Стенограмма XIV пленума, 1937, л. 66]. Для И.Д. Кабакова, бывшего долгое время полномочным хозяином области, было достаточно и того, что вал арестов докатился до его «вотчины». Осенью и зимой брали больших хозяйственников и партийных аппаратчиков среднего звена, в марте дошла очередь и до ближайшего окружения: был арестован председатель облисполкома Ф.В. Головин [Базаров, 1997, с. 350].

Трудно себе представить, что секретарь обкома успел к тому времени позабыть сталинскую шутку, над которой дружно посмеялись члены Пленума ЦК 4 декабря 1936 г. Воспользовавшись оговоркой Н.И. Ежова, собиравшего чекистам, что «довольно большой группой троцкистов в Свердловске фактически руководила японская разведка через бывшего начальника Князева», Сталин тут же уточнил: «Через г. Кабакова (Смех)». Действительно, кто же может быть начальником над руководителем Свердловской железной дороги, как не секретарь обкома? Ежов не любил насмешек над собой и сердито ответил: «Я уже сказал, что через бывш. на-

чальника Южно-Уральской ж. д. Князева и Турока, которые являются прямыми агентами японцев...» [Фрагменты стенограммы..., 1936]. А на следующий день знатоки физики власти уже заметили, что в президиуме Чрезвычайного съезда Советов, принимавшего новую Конституцию СССР, не было не только наркома связи Г.Г. Ягоды, но и секретаря Свердловского обкома И.Д. Кабакова (см. [Правда, 1936]). В конце концов и Н.И. Ежов понял указание Сталина. Спустя полгода – на очередном пленуме ЦК ВКП(б) – он доложил, что «правую антисоветскую группу на Урале» возглавлял первый секретарь Свердловского обкома Кабаков [Конспект..., 2008, с. 294].

Среди партийных работников свердловской области были разные люди. Застегнутые на все пуговицы функционеры, такие как секретарь Пермского горкома А. Я. Голышев, который о себе с полным правом мог сказать: «... в Свердловске я жил 5 лет, ни у кого не бывал, у меня не бывали. Не потому, что я чураться, а просто такого склада характер» [Архивная выписка, 1937, л. 59]. Вместе с ними работали и рубахи-парни, веселые, хмельные, общительные, заядлые охотники и рыболовы, хлебосольные хозяева. К ним, несомненно, принадлежал С.Г. Чудновский, державший у себя на квартире, что называется, открытый стол, к нему «можно было прийти без особых затруднений и приглашений» [Выступление Дмитриева, 1937, л. 49].

Жил он в нововыстроенном Первом доме советов – рядом с обкомом (нынешний адрес, вероятнее всего, – Ленинский пр., 5) в громадной по тогдашним меркам благоустроенной отдельной квартире¹. К Чудновскому приходили пообедать и отужинать, поболтать и выпить, потанцевать под патефон. Душой общества была жена председателя суда. На квартире Чудновских останавливались на ночлег высокие гости из Москвы и директора трестов из области, писатели и уполномоченные грозной ЦКК. Здесь бывали местные хозяйственники и ответственные советские работники. Чудновский знал всех, и его все знали. Ночевал в квартире судьи и ближайший сотрудник Орджоникидзе старый чекист И.П. Павлуновский, тогда член ЦКК, прибывший в Свердловск в июне 1930 г. с ответственным партийным поручением: посмотреть, как встретит областная конференция председателя Совнаркома А.И. Рыкова (см. [Маслихова, Попов, 1998]).

---

¹ В промышленных городах Урала норма жилья составляла в 1932 г. 3,5 кв. м (от 4,2 кв. м в Свердловске до 1,6 кв. м в Магнитогорске) [Бакунин, 1989, с. 34, 47].

Частым гостем был секретарь парткома Уралмаша Леопольд Авербах, бывший вождь РАПП, отправленный «в глубинку» лечить нервы и искупать свои грехи на низовой работе. Он как-то привел на обед к судье московского критика Д. Мирского, незадолго до того выпisanного Горьким из Британии. Лишившись княжеского титула и родового имени Святополк, новый советский гражданин усердно трудился на ниве социалистического реализма, писал статьи в «Литературную энциклопедию», путешествовал по Беломорканалу, появлялся на дипломатических приемах (О Д.М. Святополк-Мирском см. [Цветков]). Отобедал он и у Чудновского. Надо сказать, что гостеприимный хозяин не боялся принимать у себя «бывших»: опальных советских вельмож, свезенных из столицы в Свердловск. Столовался у него и А.М. Догадов – один из ближайших сотрудников Михаила Томского в ВЦСПС, только что лишившийся едва ли не всех партийных титулов и назначенный на невысокую должность уполномоченного комиссии советского контроля по Свердловской области [Догадов, 1990, с. 306]. Кроме партийцев, бывали в доме Чудновского инженеры, такие как В.А. Капеллер – директор Березниковской ТЭЦ, прибывший на Урал в 1931 г. с отмененным (а на самом деле отсроченным) смертным приговором по делу Промпартии (подробнее о Капеллере см. [Политические репрессии..., 2004, с. 242–243]).

С «хозяином Урала» И.Д. Кабаковым добрые отношения у судьи не сложились. Его высокие покровители работали в центральном аппарате. Председатель областного суда был на приятельской ноге с главой Наркомтяжпрома. Серго Орджоникидзе во время деловой поездки в Свердловск нашел время, чтобы покататься на лодке с С.Г. Чудновским совсем по-семейному, вместе с собственной супругой. Секретарь обкома, наблюдавший эту сцену с берега, не смог скрыть своего неудовольствия (см. [Выступление Цифриновича, 1937, л. 154]).

Сам Чудновский слыл фигурой исторической. В 1920 г. в Иркутске он был председателем Чрезвычайной следственной комиссии, снимавшей допрос с адмирала А.В. Колчака. Председательствовать не значит допрашивать. Из протоколов заседания комиссии видно, что С.Г. Чудновский ограничил свое участие в ней несколькими вопросами к Верховному правителю (см. [Михайлов, 2009, с. 56–63]). Зато ответственность за бессудный приговор адмиралу С.Г. Чудновский взял на себя, выполнив ленинское распоряжение: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что мест-

ные власти до нашего прихода поступили так и так под влиянием угрозы Капелла и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске» [Ленин, Записка..., с. 329]. Более того, даже расстрелом командовал [Плотников, 1998, с. 317].

Свой подвиг С.Г. Чудновский не скрывал, опубликовал воспоминания, охотно рассказывал о последних днях Колчака.

Работал он в Свердловске исправно, навел порядок в судебном ведомстве: «Был инициатором заведения карточек на подсудимых (это, пожалуй, была первая судебная новелла), когда подсудимых стали всех учитывать по карточкам, в канцелярии завели картотеку. Чудновский активно выступал в средствах массовой информации, есть статьи его о борьбе со взяточничеством, с другими преступлениями» [Онлайн-конференция, 2009]. В карательных кампаниях он также исправно участвовал: вместе с секретарем Орджоникидзевского райкома Свердловска Л.Л. Авербахом провел серию показательных процессов над вредителями, в том числе на Уралмаше (см. [Агеев]).

В 1934 г. И.Д. Кабаков впервые высказал недовольство тем, что его ближайшие сотрудники предпочитают ему Чудновского: «Вот я по своему положению должен иметь с вами всеми побольше общения в частной жизни, но мне некогда, а у вас вот как-то так выходило все хорошо – полчаса времени есть, и вы туда бежите» [Реплика Кабакова..., 1937, л. 62]. Надо сказать, Кабаков не слишком жаловал судью. На партийных конференциях С.Г. Чудновского не избирали в состав обкома, только в члены ревизионной комиссии [Стенограмма XIV пленума, 1937, л. 152].

Никакой политики в этом не было – просто ревность хозяина области, заметившего, что рядом с ним возникает какой-то новый авторитет. Можно предположить, что выдвижение С.Г. Чудновского на должность председателя Ленинградского областного суда в 1935 г. произошло не без участия И.Д. Кабакова, желавшего избавиться от соперника.

Объявленный врагом народа Чудновский становился опасным для свердловской номенклатуры, прежде всего из-за его широчайших дружеских связей. Для того чтобы спасти своих ближайших сотрудников (и самого себя), И.Д. Кабаков решил пожертвовать приятелями почетного чекиста. Тогда и появилось словечко «салон» для обозначения дружеского круга Чудновского.

На заседании пленума за всех ответил И.Л. Хорош – ответственный работник облисполкома, виновный уже в том, что вовремя не разоблачил

своего шефа Головина. Оказалось, что он был грешен и тем, что «посещал салон» Чудновского.

Леопольд Авербах к тому времени из Свердловска уехал. В январе его освободили от обязанностей секретаря райкома, предоставив «временный отпуск для литературной работы». Его арестуют 4 апреля как «участника антисоветского заговора, организованного Ягодой», «“ягодку” Ягоды – политического советника и доверенное лицо». Расстреляют 14 августа 1937 г. (см. [Шенталинский]).

И.Л. Хорош поначалу сослался на то, что бывал в этой «нехорошей квартире» не часто:

«Буквально не помню, сколько раз я был у Чудновского». И тут же получил ответ от второго секретаря обкома Пшеницына: «Лучше вы сами восстановите это на пленуме, чем будет восстанавливать за Вас Семен Кузнецов (секретарь Свердловского горкома ВКП(б). – А. К., О. Л.), или Гольшев». После обмена репликами Хорош согласился с тем, что «преступления от партии скрывать бесполезно. Я помню, что был у Чудновского, когда он уезжал» и назвал несколько имен людей, которые, вероятно, «с ним вели антисоветскую, антипартийную работу», но он про нее ничего не знает:

«Никаких антипартийных, антисоветских разговоров при мне не было, и я лично никакого участия в этой группе не принимал», хотя и признает, что «этим фактом я оказался в общении с врагами народа, я совершил большое политическое преступление, но не могу не отличить свою близорукость от чувства ответственности за антисоветские и антипартийные разговоры». Здесь на помощь Хорошу пришел И.Д. Кабаков, заявивший, что если бы он знал, что «там вырабатывают решения правых, то я бы давно вас оттуда как галок растаскал. Я просто считал, что вы там выпиваете».

Начальник областного управления НКВД Д.М. Дмитриев ввел в обсуждение еще одно слово: «Брюзжание слышали от Чудновского?». Хорош поначалу не понял, о чем идет речь: «Мне чрезвычайно трудно ответить на этот абстрактный опрос». Дмитриев тут же отреагировал: «Это очень конкретный вопрос», но так и не объяснил, что имеет в виду. Впрочем, по ходу обсуждения выяснилось, что начальник УНКВД попытался получить дополнительный компрометирующий материал по делу А.Н. Медникова, взятого органами в ходе подготовки процесса Л. Пятакова – К. Радека. В 1934 г. Медников был снят с работы председателя облплана «за засорение аппарата»: «Когда его снимали с Облплана, не

знали, что он троцкист». После заседания бюро Медников пожаловался Чудновскому (они были соседями по дому), тот ему посочувствовал, нехорошо-де вышло, и даже И.Л. Хорошу что-то похожее сказал [Стенограмма..., 1937, л. 61–74].

В ходе выступления И.Л. Хороша, больше напоминавшего перекрестный допрос, появились новые словосочетания «член салона» и «антисоветский салон». Они и слово «салон» в значении «антипартийного сходбища» услышали впервые от своего первого секретаря.

Посетители «салона» автоматически попадали под подозрение в антипартийной, если не в заговорщической деятельности, и наоборот. Лица, подозрительные по части «троцкизма», задним числом буквально загонялись на квартиру Чудновского, даже если они в ней никогда не бывали. На пленуме всех посетителей «нехорошей квартиры» с пристрастием допрашивали, не был ли там Гольшев, только что снятый с должности секретаря Пермского горкома. Посетители дружно отвечали: никогда не видели. Сам Гольшев бурно протестовал: «Не нужно на пленуме задавать провокационные вопросы» [Стенограмма..., 1937, л. 63]. Его не слышали.

Проигравший к этому моменту аппаратный бой директору завода имени Сталина И. Побережскому номенклатурный работник был назначен следующей жертвой (о «деле Побережского» см. [Федотова, 2005]).

У Гольшева еще оставались иллюзии, но в пермских очередях уже говорили вслух: оказался троцкистом, разоблачили, арестовали [Архивная выписка..., 1937а, л. 57]. Пока он находился на свободе, в «апартаментах Дмитриева» (так в партийных кругах называли следственный изолятор УНКВД) у арестованных работников пермского горкома собирали доказательства контрреволюционной троцкистской работы их бывшего шефа. Тут каждое лыко шло в строку, что вот-де другой секретарь горкома «неоднократно говорила мне о том, что Гольшев – настоящий большевик, очень последовательный в своих взглядах, о том, что он, якобы, человек независимых марксистско-ленинских взглядов, которые не боится защищать» [Протокол допроса Моргунова..., 1937, л. 90].

Параллельно с ними работали и партийные аппаратчики, искали компронат – может быть, в коксобензольной промышленности работал (после процесса Ю. Пятакова весь командный состав химической промышленности попал под подозрение во вредительстве) или хотя бы к Чудновскому ходил [Стенограмма..., 1937, л. 72].

В конце концов внимательно прочитали анкету и узнали: примыкал к левым эсерам в 1918 г. Все сошло. В майские праздники арестовали (см. [Колдушко, 2007]).

На II областной партийной конференции, состоявшейся в июне 1937 г. после ареста И.Д. Кабакова и всей его руководящей артели, все тот же Дмитриев снова вспомнил о «салоне Чудновского». Чудновский «выявлял настроения, нащупывал и если считал лицо подходящим, привлекал его к контрреволюционной работе» [Выступление Дмитриева, 1937, л. 49]. К тому времени все посетители «нехорошей квартиры» были арестованы. В обвинительные заключения бывшим партийным руководителям под копируку вписывали «участие в к-р сборищах, созывавшихся в квартире участника контрреволюционной организации правых Чудновского» [Обвинительное заключение, 1937, л. 131]. Слово «салон» в юридических актах не упоминалось.

Возникает вопрос, по какой причине ответственные партийные работники использовали это старорежимное слово для характеристики дружеских пирушек, или – по официальной терминологии – «контрреволюционных сборищ». В партийных документах, откуда они брали готовые формулы, этот термин не употребляется.

Можно предположить, что у слова «салон» есть иное – литературное – происхождение. В популярных книжках о Французской революции, изданных в 20-е – первой половине 30-х годов есть многочисленные упоминания о салонах, управляемых женской рукой – Теруань де Мерикур, Софи Кондорсе и особенно Манон Ролан: «Еженедельно она давала два обеда: один для коллег министра и некоторых депутатов, а другой – для влиятельных политических деятелей, высших правительственных чинов. Каждый раз приглашались от 15 до 20 персон. После обеда, начинавшегося в 5 часов, происходила беседа в салоне, а в 9 часов гости прощались, расходясь по своим делам» [Шиковский, 1922].

В книге Г. Серебряковой, неоднократно переиздававшейся вплоть до 1934 г., салону М. Ролан была дана политическая оценка: «Салон к тому же был нужен будущим жирондистам: он облегчал им более тесный сговор, помогал сплотиться» [Серебрякова. Женщины эпохи Французской революции].

Для большевистской традиции обращение к истории Французской революции долгое время было обычным делом. Из ее словаря заимствовали и актуальные политические термины. Усилиями социал-демократических писателей в начале века была создана идейно выверен-

ная схема Французской революции. В ней жирондистам отводилась малопочетная роль представителей либеральной буржуазии, не способных к демократическим преобразованиям. Более того, по мере обострения классовой борьбы жирондисты переходили в стан контрреволюции, не гнушаясь ни заговорами, ни мятежами, ни индивидуальным террором [Кунов, 1923].

Жирондистами Ленин называл меньшевиков. Жирондист – это оппортунист, «боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований», – так клеймил их Ильич в 1904 г. [Ленин, с. 370].

Так что антитеза «большевики – якобинцы» против «меньшевиков – жирондистов» в партийной пропаганде была закреплена ленинским авторитетом. В середине 30-х годов в партийной риторике место меньшевиков заняли «правые оппортунисты», или просто «правые», обвиненные в защите кулацких (буржуазных) интересов, а затем и в прямой измене делу социализма, в диверсиях, шпионаже и подготовке террористических актов. В этой ситуации слово «салон» приобретало новое звучание – место, в котором собираются за обеденным столом заговорщики, согласующие свои зловещие планы. Так возникла прямая параллель между домом гражданки Ролан и квартирой Чудновского.

Здесь не имеет значения тот факт, что на самом деле в эпоху Французской революции частное собрание, устраиваемое на дому очаровательной (или влиятельной) хозяйкой, или кружок «вокруг блестящей дамы, который объединял ее друзей из разных слоев общества» [Бондаренко], салоном не назывался. Это значение слово «салон» приобрело позднее, в XIX в. В эпоху, предшествующую революции, салоном называли «... выставки картин в королевской академии» и, стало быть, употреблять это слово в историческом исследовании нужно с большой осторожностью, поскольку его «современный смысл очень далек от реалий XVIII в., о которых мы знаем», – замечает по этому поводу современный французский исследователь [Blanc, 2006, p. 63–92]. Собственно, и Чудновский, и его супруга, как видно из документов, свою квартиру также салоном не называли.

Руководящие работники НКВД, к которым принадлежал Д.М. Дмитриев, не утруждали себя разысканиями в области французского языкознания и склонны были поверить советской книге: салон – это кружок заговорщиков против революции. И ничего не менял тот факт, что Галина Серебрякова была к тому времени исключена из партии, ошель-

мована в печати (в том числе и за создание контрреволюционного салона), арестована, допрошена, наконец, в феврале 1937 г. выслана в Казахстан – дожидаться нового ареста и приговора [Серебрякова Галина Иосифовна].

Другой советский писатель, а по совместительству видный работник Генеральной прокуратуры СССР Лев Шейнин в «Записках следователя» (первое издание – 1930 г.) упоминает про «марксистский салон», созданный по заданию Зубатова в 1890-е годы – «квартиру-ловушку для явок, встреч и совещаний» [Шейнин].

Можно предположить, что слово «салон» пришло в неофициальную риторiku большого террора из советской литературной традиции, в которой обозначало частное собрание врагов народа эпохи Великой французской революции. Для интерпретации домашних посиделок ответственных работников с патефоном, танцами и выпивкой в духе политического заговора вряд ли подходило описание салона Анны Шерер. Ее гости, конечно, «брюзжали» так же, как и высокопоставленные партийцы, но увидеть в них террористов, шпионов и диверсантов значило бы порвать со школьными комментариями к Льву Толстому, неразрывно спаянными в сознании этих полуинтеллигентов с ленинскими оценками «зеркала русской революции», отнюдь не контрреволюции.

Слово «салон» обозначало переходную форму от «групповщины» к «контрреволюционному сборищу». Если на частной квартире собираются люди, объединенные личными связями, они не могут не преследовать политических, или по крайней мере административных, интересов. «Они там назначали людей, а мы здесь штемпелевали», – публично сокрушался И.Д. Кабаков [Стенограмма..., 1937, л. 72]. На таких встречах критикуют руководство. От такой критики всего лишь один шаг до контрреволюции. Такова была логика обвинителей.

На самом деле, «салон Чудновского» представлял собой пространство частной жизни, противостоящее жизни публичной. Его антитезой можно считать партийное собрание, организованное по строгим правилам, с тщательно проработанным ритуалом, в том числе и вербальным. Там следовало говорить формулами, здесь болтать, не слишком заботясь о строгости выражений. Там полагалось поддерживать решения руководства, здесь можно было потолковать о скрытых мотивах и аппаратных интригах; там демонстрировать бодрость и оптимизм, здесь брюзжать. Считать эти частные собрания очагом оппозиции, или на языке 1937 г. – «контрреволюции», было бы неверным. В действительности, в них мож-

но обнаружить лишь тенденцию к автономному образу жизни, бытованию, огражденному домашними стенами от большой политики.

Политический смысл атаки на салоны в Свердловске и состоял в том, чтобы эти стены снести, разрушив стихийно складывавшиеся социальные сети, не дать развиваться клановым отношениям внутри руководящих кадров, подогнать частные формы общежития под формулу буржуазной контрреволюции.

У слова «салон» есть коннотации, сразу же бросающиеся в глаза современникам: указание на связь с буржуазным времяпровождением: музицированием, светской болтовней и, может быть, самое главное, с выходом из своего социального круга: общением с литераторами, учеными и прочими беспартийными элементами, заменившими прежних нэпманов в качестве соблазнительей нестойких партийцев.

Самуил Чудновский, не гнушавшийся сесть за домашний стол с Дмитрием Мирским и Вильгельмом Капеллером, становился отступником от партийной этики и тем самым от генеральной линии, хотя, конечно, взят был по иной причине: работал в Сибири с И.Н. Смирновым, в Петрограде начинал свою судейскую карьеру при Г.Е. Зиновьеве. Расстреляли его в Москве 13 августа 1937 г. [Список].

Зададимся вопросом: что объединяло дружескую компанию свердловских «аппаратчиков», конвейерные методы в работе НКВД и производственную лихорадку на уральских заводах? Только время и место? Или то, что поэтически называется «духом эпохи», а в терминах социологии – фоновыми практиками? Современники индустриализации осваивали новый мир при помощи подручных инструментов, заимствованных из старого быта и изобретенных в советское время. В итоге получался странный агрегат, сочетавший в себе традиционалистские по своему генезису социальные технологии и современную риторику, этику классовой борьбы и патриархальность властных практик. Можно наблюдать, какими причудливыми путями входила в повседневность культура индустриализма: новыми словами легитимирующая и пыточные навыки политического сыска, и барщинную организацию труда на социалистической фабрике. В домашнем салоне, так же как и в цехе оружейного завода, воспроизводились однотипные социальные практики гибридного типа: новые по форме, сугубо традиционалистские по содержанию.

Литература

1. Агеев С. От марксиста Николая Елизарова до антикоммуниста Цзян Цзинго – о бывшем свердловчанине, ставшем президентом Тайваня // Великая эпоха [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/1777/34>.
2. Акт 1937 года, июня месяца 13-го дня // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 4.
3. Аликин – в бюро Молотовского городского комитета ВКП(б) 5 февраля 1937 // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996 Т. 3.
4. Архивная выписка из стенограммы заседания VIII пленума Пермского горкома по вопросу «Итоги февральского пленума ЦК ВКП(б)». 25 марта 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т. 2.
5. Базаров А. Дурелом, или Господа колхозники. Т. 2. Курган: Зауралье, 1997.
6. Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, спецы, партийцы. О социальных истоках «Великого перелома» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98–110.
7. Бакунин А.В., Цибулькинова В.А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989.
8. Беззубцев-Кондаков А. «Большой конвейер» как символ эпохи // Урал. 2005. № 1 [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/1/bezz15-pr.html>.
9. Бондаренко В. Былого века львицы... и девицы. Литературные салоны в России в первой половине 19 в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=87.
10. Воронский А.К. Литературные портреты. Т. 2. М.: Федерация, 1929.
11. Выписка из соображений бывшего директора завода № 172 тов. Кустова от 16 февраля 1930 г. № 108 сс // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1.
12. Выписка из протокола № 8 /103 §1. заседания бюро Ленинского районного комитета ВКП(б) от 25 февраля 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 186. Д. 1457.
13. Выписка из протокола допроса Былкина Василия Ивановича от 5 апреля 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11957.
14. Выписка из протокола допроса арестованного Тюрина Михаила Александровича // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9108. Т. 3.

15. Выписка из обзорной справки по АСД № 796082 по обвинению Граховского Сергея Ивановича..., Мозжерина Федора Павловича..., Кузнецова Кирилла Петровича..., Ефимова Ивана Александровича. Копия [б.г.] // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13656.

16. Выступление Д.М. Дмитриева на II областной партийной конференции, июнь 1937 г. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 3.

17. Выступление Корсунова на 10-м пленуме Пермского горкома ВКП(б) 11 июля 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 569.

18. Выступление В.Е. Цифриновича на XIV пленуме Свердловского обкома ВКП(б) 16 марта 1937 г. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 19.

19. Гордон Л., Клопов Э. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: ИПЛ, 1989.

20. Догадов А.М. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.

21. Докладная записка о состоянии Березничихимкомбината и политнастроениях рабочих, ИТР, химиков по состоянию на 5 августа 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 3. Д. 142.

22. Жалоба з/к Волнушкина М.И. – прокурору СССР. 15 июля 1939 г. Копия // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9846.

23. Из обзорной справки по архивно-следственному делу № 9096 по обвинению бывших сотрудников УНКВД Свердловской области // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16213.

24. Из протокола допроса обвиняемого Шейнкмана Соломона Исааковича. 2 февраля 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 2.

25. Ильин Я. Большой конвейер. М.: ГИХЛ, 1934.

26. Колдушко А. «Контрреволюционер» Гольшев // РЕТРОспектива. 2007. № 3. С. 33–39.

27. Конспект доклада Н.И. Ежова на июньском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б) // Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008.

28. Копьев Герман – П.К. Премудрову. Без даты // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1.

29. Круглова М. – Столяру Я.А. 28 октября 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1684.

30. Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции. (1789–1794). М.: Гос. изд-во, 1923.

31. Ланг, фон Й. Протоколы Эйхмана. Записи допросов в Израиле. М.: Текст. [Электронный текст]. Режим доступа: <http://jhistory.nfurman.com/shoa/eihman02.htm>.
32. Лейбович О. «Индивид разоблаченный» в террористическом дискурсе в 1937–1938 гг. // История сталинизма: Репрессированная провинция. М.: РОССПЭН, 2011. С. 16–32.
33. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8.
34. Ленин В.И. Записка Э.М. Склянскому. 24 февраля 1920 // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999.
35. Логинов – Аликиной. 5 февраля 1988. Копия // Личная коллекция Г.Ф. Станковской.
36. Речь т. Луначарского // 50-летие В.И. Ульянова-Ленина (1870 – 23 апреля 1920). М.: Госиздат, 1920.
37. Маслихова И., Попов Н.Н. Видные гости г. Екатеринбург-Свердловска // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 275-летию города. Екатеринбург: Изд-во института истории и археологии УрО РАН, 1998.
38. Материалы городской партийной конференции. г. Лысьва, май 1937 // ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 19. Д. 4.
39. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. Доклад т. Сталина // Вопросы истории. 1995. № 3 [Электронный ресурс]: http://www.memo.ru/history/1937/feb_mart_1937/VI920203.htm.
40. Михайлов М.А. Тактико-криминалистический анализ допросов А.В. Колчака // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2009. Т. 22 (61). № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/uztnu/law/2009_2/008_mihaylov.pdf.
41. Мочалов А.Д. – Сазыкину. 22 ноября 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15357. Т. 2.
42. Моряков – Павловскому. 25 апреля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302.
43. Обвинительное заключение по следственному делу № 3095, по обвинению Гольшева Александра Яковлевича по ст. УК 58-8 и 58-11. 31 июля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т. 1.
44. Обзорная справка по АСД № 796219. 7 декабря 1955 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8731.

45. Окулов – Мешкову. Копия с копии // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9108. Т. 3.

46. Онлайн-конференция с Л.А. Павловой, состоявшаяся 15 сентября 2009 г. Стенограмма трансляции: Интернет-конференция 15 сентября 2009 г.: «Как рождалась уральская Фемида...» (посвящается 135-летию Свердловского областного суда) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://novolialinsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=press_der&op=4&did=11.

47. Отчет о работе горкома ВКП(б) за 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 542/1.

48. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Худ. лит, 1934.

49. Перечень фактов потери партийной ответственности и бдительности со стороны членов ВКП(б). 1937 // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 302.

50. Письмо слушателей артиллерийской академии – практикантов на заводе № 172 в артуправление РККА, НКВД, секретарю Свердловского обкома ВКП(б) т. Столяр и секретарю Молотовского горкома ВКП(б) 7 июля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1.

51. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998.

52. Покрышкин, Рязкин – Пятакову. Докладная записка «Об экскаваторостроении на заводе имени Молотова – Урал». 1935 // ПермГАНИ. Ф. 643.1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1.

53. Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. Пермь: Пушка, 2004.

54. Постановление прокурора Пермского сектора НКВД Ощепкова о предании суду за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» группы инженеров-конструкторов Пермского моторостроительного завода. 19 мая 1935 г. // Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. Сборник документов и материалов. Пермь: Пушка, 2004.

55. Постановление о прекращении следственного производства по обвинению Волнушкина М.И. 25 декабря 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9846.

56. Правда. 1936. 6 декабря.

57. Протокол допроса свидетеля Переплетчик С.Я. 25 февраля 1935 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 1.

58. Протокол допроса обвиняемого Юфит Л.Б. 14 марта 1935 // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 1.
59. Протокол допроса свидетеля Безшапошников А.А. 17 февраля 1935 // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп.1. Д. 26705. Т. 1.
60. Протокол допроса свидетеля Концевича Ф.В. 14 марта 1935 // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. Т. 2.
61. Протокол допроса Арсеньева Алексея Алексеевича. 7 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1.
62. Протокол допроса обвиняемого Ушакова Александра Ивановича. 30 октября 1937 г. // ПермГАНИ Ф. 643/1. Оп. 1. Д.11996. Т. 3.
63. Протокол допроса Моргунова Бориса Николаевича. 17 марта 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т. 1.
64. Протокол № 14 общего закрытого партсобрании заводууправления от 8 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3.
65. Протокол осмотра. 25 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1.
66. Протокол допроса Волнушкина Михаила Ивановича. 19 января 1939 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп.1. Д.9846.
67. Протокол допроса свидетеля Кужмана В.О. 16 июня 1939 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11908. Т. 1.
68. Протокол судебного заседания. 21–23 августа 1939 г. в Военном Трибунале Московского военного округа войск НКВД // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 6.
69. Протокол допроса свидетеля Герчикова Самуила Борисовича. 10 декабря 1939 г. Копия // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12558. Т. 3.
70. Протокол допроса свидетеля Чернякова Г.Ф. 18 января 1956 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11912.
71. Протокол допроса свидетеля. 25 сентября 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп.1. Д. 11996. Т. 4.
72. Реплика А.Д. Кабакова на XIV пленуме Свердловского обкома ВКП(б). 16 марта 1937 г. // ЦДООСО. Ф.4. Оп. 15. Д. 18.
73. Роговин В.З. 1937. М., 1996 [Электронный ресурс]: <http://web.mit.edu/people/fjk/Rogovin/volume4/xxxi.html>.
74. Серебрякова Г. Женщины эпохи Французской революции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/manon_gsr.htm.

75. Серебрякова Галина Иосифовна (1905–1980) писатель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/authoreb25.html?id=993>.

76. Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину с приложением протокола допроса А.Н. Бабулина. 5 мая 1939 г. // Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «СМЕРШ». 1939 – март 1946. Документы. М.: МФД, Материк, 2006. С. 74–78.

77. Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных Т. 6 «ЛМ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vizs.nlr.ru/search/lists/t6/247_0.html.

78. Справка компрометирующих материалов на Волнушкина Михаила Ивановича. Б. д. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9846.

79. Справка по АСД № 796219 по обвинению Былкина В.И., Королева М.П. и др. в количестве 16 человек // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13043.

80. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001.

81. Стенограмма пленума Пермского горкома ВКП(б) 25 декабря 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 944а.

82. Стенограмма пленума Пермского горкома ВКП(б) 26 декабря 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 944б.

83. Стенограмма закрытого заседания бюро Пермского горкома ВКП(б) по вопросу о выполнении постановлений ЦК, СНК, Уралобкома и горкома ВКП(б) о помощи железнодорожному транспорту 07 декабря 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1074.

84. Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б). 16 марта 1937 г. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 18.

85. Тиунов П.Т. – ЦК ВКП(б). г. Пермь. Б.д. 1937. Копия. Машинопись // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1684.

86. Федотова С. Молотовский коктейль. Пермь: Компаньон, 2005.

87. Фордизм. [Электронный ресурс]: <http://abc.informbureau.com/html/oideaeci.html>.

88. Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 г. 4 декабря 1936 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.memo.ru/history/1937/dec_1936/index.htm.

89. Фрумкина Р.М. О нас – наискосок. М.: Русские словари, 1997 [Электронный ресурс]: http://www.belousenko.com/books/Frumkina/frumkina_naikosok_2.rar.

90. Цветков А. Красный князь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vlad-vorobev.livejournal.com/13814.html>.

91. Шейнин Лев. «Дама Туз» // Записки следователя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.serann.ru/t/t1173.html>.

92. Шенталинский В. Расстрельные ночи // Звезда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=754>; Москва, расстрельные списки – Донской крематорий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d1/f130.htm>.

93. Шиковский Д. Госпожа Ролан // Люди и нравы Французской революции. Пер. с нем. Петроград: Госиздат, 1922 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shik6.pdf>.

94. Blanc O. Cercles politiques et «salons «du début de la Révolution (1789–1793) // Annales historiques de la Révolution française [En ligne], 344 p. 63–92. avril-juin 2006, mis en ligne le 01 juin 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ahrf.revues.org/5983>.

95. Doll-Schlumberger Mme. Groznyj, Paris, Moscou, 1928–1938 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 3 No. 2. Avril-juin 1962. P. 261–279. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1962_num_3_2_1507.

96. La Grande Terreur.24-09-2009. [Электронный ресурс]: <http://www.laviedesidees.fr/La-Grande-Terreur-en-URSS-1937.html>.

Препринт WP19/2012/02
Серия WP19
Исторические исследования

А.А. Колдушко, О.Л. Лейбович

**Дискурсивные практики большого террора
на Урале (1937–1938)**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,7
Усл. печ. л. 2,6. Заказ № . Изд. № 1517

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»